

Что было и чего не было

(Из будущей книги того же названия)

1. Нас было четверо

Зима 1940-го. Москва. Кафе "Националь". Нас было четверо за столиком: Михаил Аркадьевич Светлов, Юрий Карлович Олеша, Вениамин Наумович Рискинд и... (Боже, как это похоже на монолог Хлестакова: "Французский посланник, английский, немецкий посланник и я!" А что поделаешь, когда так и было?). И в кафе этом мы встречались почти ежедневно после полудня.

Поэта Светлова и писателя Олешу представлять излишне. А вот о Рискинде рассказать надо. Был он фигурой весьма колоритной. Человек довольно мало образованный, он был наделен природным литературным даром. Писал трогательные стихи о Революции, гражданской войне и напевал их под собственный гитарный аккомпанемент, причём вполне музыкально, еще в довоенные времена предвосхищая появление наших современных бардов. Прозу писал в основном для эстрадных исполнителей. Издавался очень мало, помню только один его рассказ, очень сильный и эмоционально написанный. Огубились ли он был до войны в "Огоньке" по рекомендации И. Бабеля.

Рискинд боготворил Олешу и был буквально его тенью, постоянно сопровождая Юрия Карловича во всех блужданиях по городу. Внешность его была весьма занятной — круглое розовое лицо, слегка слезящиеся глаза-маслины и курчавые "проволочные" волосы над низким лбом. (Светлов говорил, что "Веничка ходит стричься в слесарную мастерскую"). На одежку он внимания принципиально не обращал — постоянная нехватка пуговиц на пиджаке, а подчас и на брюках было делом обыкновенным. Практически в Москве он нигде не жил, ночевал где попало, а чаще всего в скромной квартире Олешы или на Центральном телеграфе, где, чтобы не прогнала милиция, заказывал ночные телефонные разговоры с дальними городами страны по каким-то фантастическим номерам. И просыпался на скамейке перерывного пункта лишь тогда, когда его будили, чтобы сообщить, что его абонент не отвечает, или что абонент за этим номером не числится, или что такого номера в данном городе нет вообще. Так и спал бедняга до утра с несколькими недолгими побудками. Был он человеком нежной души, веселым, добрым, полнейшим бесребренником и даже "безмедником", имея в виду постоянное отсутствие разменной монеты в рваных карманах. Умер он неприкаянным холостяком уже в сильно пожилом возрасте, так ничего заметного и не написав, где-то под Москвой в начале семидесятых годов. Помню, как драматург И. Прот собрал для него у друзей немного денег и носильные вещи...

Почему я, начав рассказывать об Олеше и Светлове, вдруг задержался на никому неведомом Рискинде? А вот почему — жил рядом с нами милый, способный человек, хороший и верный товарищ. Так уж вышло, что сложилась его жизнь неудачно, что не проявился ни в чем большом его природный дар, а то, что он делал в малом, ушло без следа из быстротекущей жизни и осталось в памяти у его уже весьма немногочисленных друзей.

...Мимо нас прошел элегантно одетый, с ярким галстуком-бабочкой, известный киноартист Сергей Мартинсон. Олеша глянул на него свинцовым взглядом и, пообещав: "сейчас будет экспромт", незамедлительно прочел такое вот четверостишие:

**Я в поэтическом азарте
Сказать экспромт вам принужден:
Что если сон принят Марте, —
То этот сон — не Мартинсон.**

Мы, привыкшие к постоянным шуткам, экспромтам и каламбурам, возмущавшим в непринужденной застольной беседе, лениво хмыкнули в знак одобрения. И тут Светлов без всякой паузы сказал: "Хочу ответить" и прочел вот что:

**Я вам ответить не замедлю,
Сказать вам правду принужден:
Что если сон увидит Мендель,
То этот сон — не Мендельсон.**

Тут мы с Олешей расхохотались — уж больно быстро, лихо и точно, используя заданный прием, был выдан "ответ". Честно сказать, я мучительно шевелил губами, напряженно пытаясь тоже включиться в эту игру ума, но сошел с круга, так ничего и не придумав не то что достойного, но хотя бы просто минимально схожего.

А Венья Рискинд в игре не участвовал. Он тихо, чуть посалывая, спал, прислонившись к стенке и положив на столик короткопалые пухлые руки. Видать, накануне на телеграфе беднягу часто будили сообщениями, что "Петропавловск-на-Камчатке не отвечает" и "В Комсомольске-на-Амуре" такого номера нет...

Вспоминаются и другие шутки Олешы и Светлова, услышанные мной во время наших "национальных" встреч. Шутки эти, всегда экспромтные, свидетельствуют об удивительном литературно-метафорическом даре, острой наблюдательности их авторов. Олеша: "Открытая коробка шпрот выглядит, как народный хор. Напоминает сложенные на животе руки".

Светлов: "А троплейбус, если посмотреть на него сзади, похож на портрет Чехова — два стекла и шнурок от пенсне".

2. Вобла, "близнецы" и капитан

Так вот: сидели четверо за столиком в кафе "Националь". М. Светлов, Ю. Олеша, В. Рискинд и... Ну, дорогой читатель, вы уже знаете, кто четвертый. Догадались.

Надо сказать, что все официантки кафе обожали Юрия Карловича. Какого-то дохода он им не приносил, ограничиваясь парой чашечек кофе и, чего там греха таить, стопочкой прозрачной жидкости, название которой я, как назло, теперь совершенно забыл. Они з немногие свободные минуты любили вести с Оле-

шей задушевные беседы, несмотря на то, что далеко не всегда понимали парадоксальную, лексически усложненную, витиеватую речь писателя. А на похоронах Юрия Карловича эти милые скромные женщины безудечно и горько рыдали, не в пример ряду его коллег, явившихся на эту печальную церемонию "по разверстке" писательского начальства.

— Мадам, — обратился Юрий Карлович к одной из официанток. — Вот тут Вениамин Наумович кое-что принес. Не откажите в услуге делегату Первого съезда писателей — отдайте, пожалуйста, для разделки на кухню этот раритет, это безвременное погбишее, скромное создание матери природы.

По сигналу Олешы Рискинд вытащил из замызганного брючного кармана газетный сверток с пятнами жира и торжественно вручил официантке Симе.

— Только, пожалуйста, мелкими ломтями и чтобы не распалась икра — эти бывшие будущие рыбы, — тоном миллионера, дающего указания дворецкому касаясь предстоящего банкета, распорядился Олеша.

Через несколько минут Сима принесла на несоответственно большом сравнительно с величиной продукта блюде аккуратно разделанную и порезанную с далеко друг от друга отстоящими кусочками обыкновенную тощую воблу. Традиционная веточка петрушки была небрежно вставлена в удивленно раскрытый рот гильотинированной головы. (Меня всегда удивляла эти магия кухонных эстетов совать впоследствии никем не съедаемую растительность во рты рыб и порослят. Впрочем, у работников общепита свои понятия о красоте окружающего нас мира).

Мгновенно появилось неизвестно кем заказанное пиво, и мы, вооружившись вилками (Рискинд — пальцами), принялись за вожделенную закусь. Какой-то здоровенный мужик в полувоенном юнтеле, которые в те времена носили ответственные работники и подделяющиеся под них мелкие снабженцы, подошел к Симу и, кивнув в нашу сторону, о чем-то попросил, на что та отрицательно покачала головой, после чего он подошел к нашему столику и, показывая на жалкие остатки воблы, строго спросил:

— Откуда у вас ЭТО?

На что Светлов, притянув вопрошающего к себе за кительную пуговицу, сообщил вполголоса и весьма доверительно:

— Понимаете, товарищ, в дирекции здешнего кафе есть обильный тайный запасник, продукты из которого выдаются посетителям только по специальному списку, утвержденному в высоких инстанциях, или же личным друзьям директора, как, например, нам. Так что...

Он не успел договорить. Громко выкрикнув: "Ах так? Ну, ладно!", воблоробитель прямо-таки побегал в сторону директорского кабинета, откуда тут же стали доноситься его певные вопли и недоуменно-умиротворяющее бормотание директора. Чем этот скандал кончился, я уже не помню...

х х х

Светлов: "Немало русских отщепс выглядят как югославские фамилии: Иванович, Петрович, Маркович..."

Олеша: "А многие русские имена и фамилии, будучи прочитаны справа налево, по своему звучанию напоминают турецкие.

вания!" "Тогда катер", — изменил свою просьбу Олеша...

х х х

Светлов: "Подали мозги, такие свежие, как будто теленок ими еще ни разу не думал".

Олеша: "Банка с красным мариннованным перцем похожа на раздевалку в общежитии у гномов".

3. Другие столики

Так вот, сидели четверо за столиком... Дальше вы все уже знаете. Но это не значит, что здесь всегда было четверо, и состав был неизменен. Невероятная притягательность личности Олешы и Светлова и вызывающая любопытство забавная фигура Рискинда (без Олешы он не существовал) привлекали к этому столику массу самых разнообразных деятелей литературы и искусства, абorigенов кафе. А иногда вдруг возникали какие-то странные случайные люди, которых никто не знал, и каждый из всегдагдаев был убежден, что это приятель кого-либо из присутствующих. Были в кафе и другие столики с почти постоянным составом. Например, часто объединялись Смирнов-Сокольский, конферансье М. Гаркави, режиссеры А. Арнольд и Д. Гутман, писатель В. Ардов. Соседние наши компании были в весьма дружеских отношениях, совершались частые перемещения, а когда столики составлялись, бывало очень весело и интересно. Но и не только весело — часто горячо всерьез обсуждались разные литературные, театральные и музыкальные проблемы, спорили, ненадолго сорились. И все эти люди были не бездельниками и беззаботными фланерами, бесцельно проводившими время, а, как правило, серьезными, известными мастерами, позволяющими себе отдохнуть часок-другой среди друзей и коллег после напряженной творческой работы (или перед ней).

Иногда столики формировались по профессиональным признакам — например, художники: Иван Федотов, Александр Тышлер, Исаак Рабинович, Федор Богородский. Или поэты: Алексей Крученых, Василий Каменский, Семен Кирсанов, Иосиф Уткин, Илья Сельвинский... И был еще один столик... как бы вам его потактичнее охарактеризовать?.. Ну, в общем, Олеша называл его грубовато, но точно: "Стол дураков". Не подумайте, ради Бога, что это были беспробудные дебилы, абсолютные болваны, клинические идиоты! Нет, это были заслуженно известные и талантливые люди, и вы никогда бы не догадались по результатам их деятельности, что в жизни они весьма недалекие, не наделены значительным умственным багажом или разнообразными обширными познаниями в культурной сфере. Как метко подметил некогда один из умнейших наших драматургов Николай Эрдман: "В человеческом мозгу центры таланта и ума находятся в разных полушариях".

"Стол дураков" не вызывал ни презрительного, ни недоброежелательного к себе отношения — творчество этих деятелей и их человеческие достоинства вызывали у всех уважение и симпатию. А у Юрия Карловича был ехидный способ выявления кандидатов в эту обойму: если в компании кто-то говорит про кого-то "он дурак" — и присутствующие вяло это подтверждают: "Да, конечно, он дурак, но все же..." — это не в счет. Но вот если говорят "он дурак", и все одновременно и радостно восклицают "да-а-а" — факт налицо. "Самое интересное", говорил Олеша, перечисляя имена дураков из числа своих знакомых, — это то, что у них есть аналогичный список. К дуракам, по их мнению, относятся Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Спиноза, академик Павлов и, естественно, я! — не без гордости добавлял он.

Изредка в "Национале" появлялся маститый Алексей Николаевич Толстой. И тогда, с любезного разрешения хозяина, к его столику пристраивались многочисленные почитатели и, затаив дыхание, слушали блестящие устные рассказы и воспоминания знаменитого писателя, "выдаваемые" им с необычайным актерским мастерством. Вспоминается одна из таких новелл, сюжет которой я сам поведаю с потерей, естественно, в моем изложении толстовской красочности языка и непередаваемых интонаций рассказчика.

"Однажды я ехал поездом за границу с писательской делегацией, в которую входила одна популярная, уже немолодая, но весьма кокетливая поэтесса. В купе нас было четверо — ваш покорный слуга, известный детский писатель, упомянутая выше дама и посторонний человек — вежливый, слегка седоватый, молчаливый поляк. Мы с коллегой подолгу стояли в коридоре у окна, курили и неторопливо беседовали, а наша дама завела оживленный разговор с оставшимися в купе соседом на смеси русско-польско-французского языков, причем говорила в основном она. Под конец, почти, очевидно, исчерпав круг своих интересов, наша дама, дотронувшись до орденской планки на лацкане пиджака собеседника, стала усиленно расспрашивать его — за что эта награда. Тот долго и вежливо отшучивался, я, но в результате, сильно допекаемый настойчиво-

стью любознательной дамы, встал с дивана, вежливо перед ней склонился и горделиво сообщил:

— Алс ж, пани, то ест декорация за борбу з болшевиками! Наша поэтесса пулей вылетела из купе, и через пять минут проводник зашел за ее чемоданами, а к нам поселился известный журналист-международник, тоже член нашей делегации, бывший в соседнем вагоне...

Как известно, в те времена у нас в стране выпускались вина с довольно странными наименованиями "Типа бордо", "Типа мадеры" и т.д. И вот когда мы с упомянутой дамой, находясь в Париже, зашли в винный магазин, она на бойком французском попросила у продавца бутылку вина "Типа Шабли". Продавец недоуменно развел руками и виновато ответил: "Мадам, у нас нет "Типа Шабли", у нас, к моему сожалению, есть только простое "Шабли".

О подобном недоразумении тут же рассказал присутствующий в компании писатель Евгений Петров. Будучи в Вене (или в Париже, уже не помню), они с Ильфом ехали по городу на открытой машине в сопровождении местного гида, демонстрирующего им достопримечательности столицы. Миновали какое-то роскошное здание, и Ильф спросил: — А это что такое? — Дворец Ротшильда, — ответил гид. И тогда Ильф, на мгновение забыв, в какой стране он находится, наивно поинтересовался: — А теперь здесь что? — Как что? — удивился гид. — Я же вам сказал, дворец Ротшильда...

х х х

Светлов (закуривая сигару): "Фу, какая гадость! Я курю перила второго этажа!"

Олеша: "Когда у Архимеда прохудилась бочка, он решил купить новую. Денег у него не было, и он попросил друзей одолжить ему. Отсюда и пошло выражение "Денюги на бочку". Шутка эта оказалась не забытой, т.к. она появилась много лет спустя в газете "Московский комсомолец" (14.VIII.1983 г.). Правда, за подписью другого автора.

4. Склонения

Нас было четверо... и т.д. ...

— Господа, — сказал Виктор Ефимович Ардов, подойдя к нашему столику (старомодное обращение это, произносимое иронически, с подчеркнуто барственной интонацией, было принято в кругу абorigенов). — Господа, я обращаюсь к вам, мастера культуры. А ну-ка ответьте мне, как склоняется имя Еремей. Ну? Я жду!..

Мы спокойно и выжидательно молчали, зная, что Ардов не выдержит и тут же "расколется".

— А это так, — немедленно сообщил он, ликуя: — Яремей, Тымофей, Онуфрий, Мытрофан, Выкентий, ОНИСим! — и торжествующе захохотал.

Мы сидели, не сговариваясь, с каменными лицами. — Ну и что? — вяло отозвался Светлов. — Эка невидаль! Так можно что угодно просклонять. Хотя бы фамилии писателей. Вот, например: — Ясенский, Тыхонов, ОНТокольский, Мыхалков, Вышне-вский, ОНИСимов...

— Неправильно, нельзя! — воскликнул Ардов. — Правильно "Анисимов". А у тебя "О" вместо "А"!

— А твое "Ы" вместо "И" можно? — спросил Светлов. Ардов промолчал.

— Давайте-ка я попробую с художниками, — сказал Олеша. — Значит, так: Якулов, Тышлер, ОНТокольский, Мыкельандже-ло, ВЫлассес, ОНИСимов...

— Нельзя, нельзя! — запротестовал Ардов. — Какой еще там второй "ОНТокольский". Ведь был только что у писателей! — А это знаменитый скульптор, родственник предыдущего. Надо бы знать, юноша! — снисходительно упрекнул Олеша Ардова, своего почти ровесника.

— А что это за художник "ОНИСимов"? — заинтересовались мы. — Впервые слышим.

— О, вы все профаны! Это гениальный мастер с мировым именем. У нас он, увы, не признан. Живет в Сольвычегодске, Пушкинская, шесть, квартира двадцать четыре, телефона нет, можете проверить, — вдохновенно соврал Олеша, судорожно защищая придуманного им Онисимова. — Умер совсем молодым от туберкулеза ногтей во время Февральской революции, — неосмотрительно добавил он. Ардов недовольно поморщился и пожал плечами.

— А что если попробовать с животными? — робко высунулся я. — Ягяур, Тылр, ОНдатра, Мылведь...

— Вылведь, — вставил Светлов.

— ОНИ... ОНИ... ОНИ... — мучился я.

— ОНИСимов! — радостно и одновременно вскричали все, включая Ардова.

...Неизменный Венья Рискинд тихо спал и, возможно, видел во сне уютный зал Центрального телеграфа, и наши веселые возгласы оборачивались для него сугубыми сообщениями междугородной телефонистки: "Ваш номер в Минусинске заменен".

Нижко, никого из них уже нет на свете. А ведь, казалось бы, совсем недавно... Нет, впрочем, уже довольно давно.